

СВЕТОВАЯ КОСМОГОНИЯ В ТРАКТАТЕ
РОБЕРТА ГРОССЕТЕСТА (1175–1253)
«О СВЕТЕ, ИЛИ О НАЧАЛЕ ФОРМ»

Английский философ, ученый-оптик и епископ г. Линкольна Роберт Гроссетест (Robert Grosseteste, 1175–1253), будучи канцлером Оксфордского университета и основателем оксфордской естественнонаучной школы, прославился прежде всего как весьма оригинальный по своим идеям наследник многовековой традиции метафизики света, рассматривающей видимый свет стоящим (благодаря своей тонкости и минимальной отягощенности материей) на границе телесного мира и мира чистых форм, в котором существует свой, интеллигибельный свет; традиции, обязанной своим возникновением, с одной стороны, платоновскому уподоблению статуса Блага в умопостигаемой области положению Солнца в области чувственно воспринимаемого («Государство» VI 508b-e), — уподоблению, породившему представление о бытии как световой иерархии, — с другой стороны, тому, что в основываемом на Писании христианском богословии свет есть творение первого дня и привилегированный символ Божества (Быт. 1,3; Ин. 1,9; 1Ин. 1,5,1; Тим. 6,16). Не выдающийся по своим размерам, но без преувеличения блестящий трактат Гроссетеста «О свете, или О начале форм» (*De luce seu de inchoatione formarum*, ок. 1225–28) является не только одной из немногих научных космологий и, по-видимому,

* *Шишков Александр Михайлович* — канд. филос. наук, мнс, преподаватель кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ (Москва).

единственной научной космогонией, написанной между «Тимеем» и работами Нового времени, но и удивительно гармоничным синтезом теологии, философии и науки XIII в., целостной картиной мироздания, совершенно сознательно объединившей христианскую креационистскую доктрину (Быт.1,1–31), согласованную с тимеевской концепцией творения, с популярным в ученых кругах того времени неоплатоническим учением об эманации, и устранившей противоречия между, казалось бы, принципиально несовместимыми взглядами на существо этого мира — изложенной все в том же «Тимее» математической теорией Платона и физикой Аристотеля.

В своем труде Гроссетест обращается к естественному свету не только как к символу света божественного, но и как к самоценному объекту изучения. Однако трактует он его весьма своеобразно, ибо отождествляет свет с формой телесности (*forma corporeitatis*) — первой из всех сотворенных форм, которой причастны все без исключения тела. Бог, таким образом, творит в начале времен световую точку, в которой слиты воедино первоформа-свет и первома́терия. В этой точке, в соответствии с божественным замыслом, потенциально уже заключен весь мир. Из нее по физико-математическим законам излучения света начинается процесс эманации, результатом которого и является наш универсум.

Условно трактат можно разделить на пять составных частей. *Первая* часть посвящена доказательству тезиса Гроссетеста о том, что первая телесная форма (телесность) есть не что иное, как свет. Во *второй* части трактата содержится математическое обоснование данного тезиса, опирающееся на тот факт, что свет есть то единственное, чему по самой его природе присуще свойство бесконечно

умножать себя самого посредством себя же самого и тем самым распространять себя во все стороны. Космогонический процесс, специфика протекания которого основана на указанном неотъемлемом свойстве света, составляет содержание *третьей* части. *Четвертая* часть посвящена характеристике различных видов движения, присущих сферам универсума. И, наконец, в *пятой* части трактата приводится теория чисел Роберта Гроссетеста, демонстрирующая космическое совершенство и носящая на себе явный отпечаток влияния пропитанного пифагорейскими идеями «Тимея».

Космогоническая концепция Гроссетеста вкратце выглядит следующим образом: свет путем бесконечного самоумножения равномерно распространяет себя во все стороны и, увлекая вместе с собой материю, которую он, будучи формой, не может оставить, распространяет ее до размеров «мировой машины» (*mundi machina*), т. е. универсума, придавая ей тем самым сферическую форму. В ходе этого процесса свет в высшей степени разрежает крайние области упомянутой сферы, вследствие чего образуется совершенное первое тело, называемое твердью, ничего не имеющее в своем составе, кроме первой материи и первой формы. Далее, оно испускает свечение из каждой своей части по направлению к центру вселенной, причем свет, продолжая самоумножаться, сосредоточивает существующую под первым телом массу, рассредоточивая в то же время крайние ее области, где и создается вторая небесная сфера. И свет, формирующий эту сферу, не является уже более простым светом, но является светом удвоенным. Подобным образом создаются все тринадцать сфер универсума: девять совершенных небесных сфер и четыре несовершенные сферы элементов (огня, воздуха,

воды и земли), причем действия всех высших сфер концентрируются в земле.

Эманационный процесс, следовательно, целиком заключен в рамках тварного природного мира, имея своим источником свет как то первое, что было сотворено Богом наряду с бескачественной чистой материей, и что непосредственно осуществляет, говоря словами гроссетестовского же «Шестоднева», «*eductio rei in esse ex nihilo*» (Hex. I, c. 11, n. 1). Свет благодаря своему совершенству располагается на высшей ступени иерархической лестницы, на остальных ступенях которой располагаются все сотворенные тела. Его поведение подчиняется строгим законам геометрии (тем же, что функционируют на небесах), и потому он обладает пограничным бытием, схватывающим природу как физического, так и математического миров. Но более того, свет не есть нечто, существующее наряду с остальными объектами физической реальности, но он есть то, что посредством своего самоумножения эту реальность собственно и образует. Световая форма не есть рядовая форма из множества других, но есть *forma prima corporalis*, общая телесная форма всех вещей, делающая их протяженными. «Единый вид, который есть телесность, или телесный свет» (*speciem unam, id est corporeitatem, vel lucem corporalem*), — говорит о ней Гроссетест (Comm. in VIII lib. Phys., I, 15). Причастие всего сущего единому свету обуславливает единство мироздания, несмотря на его видовое многообразие; и поскольку все в этом мире, согласно Гроссетесту, есть фактически в большей или в меньшей степени преумноженный свет, то геометрические законы его умножения и распространения, действующие в рамках оптической науки, являются всеобщими, т. е. применимы по отношению ко всей физической реальности.

Scientia perspectivae (геометрическая оптика) становится фактически тождественной *scientia naturalis*, или, во всяком случае, является основой последней.

При том, что целью трактата «О свете» является показ того, каким образом математические отношения были (как бы изнутри) внедрены в универсум, именно изучение наследия Платона, дополненное экспериментальными данными науки о перспективе, полученными самим Гроссетестом, убедили его в том, что природа устроена в соответствии с заложенным в нее Богом математическим каркасом. Кроме того, в трактате имеется и целый ряд частных — негласных, но весьма конкретных — отсылок к тексту «Тимея»: идет ли речь о формировании космоса на основе пропорциональных отношений («Тимей», 35b–36b), о математических объектах как конструктивных началах вещества («Тимей», 53c), о геометрической структуре элементов («Тимей», 55d–e), о шаровидном очертании Вселенной в целом («Тимей», 33b–34b) или же об отождествлении с перводвигателем платоновской мировой души («Тимей», 34b).

В виду того, что наука Нового времени, явившаяся, по убеждению Галилея, экспериментальным доказательством платонизма, родилась в результате отвержения не только качественных основ аристотелевской физики, но и (как следствие) его космологии в целом, интересно, что Гроссетест вовсе не стремится отменить столь «неудобный» для математики универсум Стагирита, но, наоборот, остается безусловно приверженным физико-космологической системе Аристотеля-Альпетрагия, объясняя именно ее функционирование математическими законами. Несмотря на то, что сопоставление исходных принципов «Физики» Аристотеля и «Тимея» Платона мы встречаем уже в XII в.

и у Аделарда Батского, и у Гуго Сен-Викторского, и у Гильома Коншского, однако в наибольшей степени попытка их синтеза удалась Роберту Гроссетесту.

Очевидно, что подчеркивая важность опытного познания и математики в изучении природы, Гроссетест во многом предвосхищает естественнонаучные тенденции последующих веков. Более того, его пристальное внимание к «Тимею» согласуется и с удивительной популярностью этого сочинения у ученых XX в.: Гейзенберга, Фридлендера, Брейнса. Когда же современная физика утверждает, что свойства пространства и времени, а следовательно, и мира вообще, обуславливаются математическими законами электромагнитного излучения, т. е. света, — пропадают всякие сомнения в актуальности «маленького шедевра» Гроссетеста, способного к тому же вызвать особый интерес при его сопоставлении с теорией Большого Взрыва или же с эйнштейновской формулой $E = mc^2$.

Примечания

¹ Grosseteste R. De luce seu de inchoatione formarum // Die philosophischen Werke des Robert Grosseteste, Bischofs von Lincoln / Ed. L. Baur. Münster i.W., 1912 (BGPM ix, Bd. IX), S. 51–59.

² Гроссетест Р. О свете, или О начале форм / Пер., предисл. и ком. А. М. Шишкова // Вопросы философии. № 6. 1995. С. 122–136.

The Saint-Petersburg Plato Society, established at the State University in 1993, regularly conducts conferences commonly titled «Universum of Plato's Thought». At present more than 40 persons are regularly involved in Society's activities. The abridged versions of conferences' papers are published every year. The most interesting articles widely discussed at conferences are included in the periodical collection «ACADEMEIA».

We would like to establish regular communications with European and American classicists and similar organisations. Any colleague working in the same field will be most welcome for our nearest meeting.

Roman Svetlov, Chairman of Plato Society, Professor of Philosophy. Alexei Tzyb, Secretary of Plato Society.